

ЧТО МЫ ПРЕДМАГАЕМ ЗРИТЕЛЮ?

Спектакль может вызвать разные, порой противоречивые мнения, но состоялся он или нет — об этом можно судить лишь по тому, как на него ходят зрители. Каков он, сегодняшний зритель, и чего он хочет от театра?

ЧАСТО с известной долей самоуверенности мы говорим: нашему зрителю нужно то-то и то-то, наш зритель хочет, наш зритель идет... Но беда-то вся в том, что зрителя мы чаще всего не знаем или знаем очень приблизительно. Нам проще теоретизировать по этому поводу, нежели делать конкретные, практические шаги для изучения того, кто и зачем приходит в наш театр, ите и почему не приходит.

Жизнь областного театра, и это знает каждый, сложна еще и тем, что он постоянно озабочен, как привлечь зрителя в зал. Проблема своей аудитории, своего зрителя для нас проблема номер один. Сами условия существования побуждают нас идти на поиск способов налаживания контактов: зритель — театр. И поскольку научно обоснованной методологией мы не располагаем, то идем «экспериментальным путем». Так были введены у нас в школы уроки эстетике на базе театра. Появился и университет театрального искусства. Может быть, не все так соответствует «университетским нормам», но польза его несомненна — обсуждение спектаклей, рассказы о театре, общение аудитории с актерами, режиссерами, художниками дают положительный результат. Мы отчетливее представляем свои удачи и свои промахи, пытаемся корректировать свою репертурную практику. В итоге спектакли, которыми коллектив имеет основание гордиться, обрели долговечность: «Власть тьмы» Л. Толстого прощала на нашей сцене десять лет, «Симон-музыкант» Якуба Коласа — восемь, «Клеменс» К. Саи живет шестой год. Думаю, что это неплохо для города, население которого по переписи более 300 тысяч. Знаменательно то, что на эти спектакли приходят по два-три раза. Мы этих зрителей знаем, и они для нас самые дорогие.

Сегодня мы думаем о том, в каком направлении улучшить, усовершенствовать деятельность университета театрального искусства и уроков эстетике. Мы пытаемся, например, приобщить зрителя к классической музыке. На вечерах, когда проводятся занятия университета или уроки эстетике, в фойе устраиваются концерты камерного оркестра, которые представляются рассказом о композиторе, произведении которого исполняются в этот вечер. И мы ощущаем, как меняется «настроение» зала после таких концертов.

В Витебске нет ни детского, ни кукольного театра. В нашем зале детвора гость частый, можно сказать, постоянный. И думать о наших детях мы обязаны ежедневно. Но имеем ли мы сегодня возможность делать полноценные спектакли, адресованные юным зрителям? Думаю, что нет. Тот единственный в сезоне спектакль, который мы ставим для детей, — это в любом случае компромисс, тогда как постановками для детей надо заниматься серьезно, а значит, постоянно, ежедневно. Я думаю, что мы смогли бы на своей базе создать кукольную труппу со своим режиссером и художником. Необходимо чаще ставить спектакли, адресованные подросткам, на малой сцене. Вот такой «многоплановости» требует от нас сама жизнь.

ОДНИМ словом, планы у нас обширные, и хотелось бы, чтобы они сплелись. Но для этого необходимо иметь репертура, иметь полноценную драматургию. Думаю, что

без «своих» драматургов, без пьес, отвечающих характеру, творческому облику коллектива, существование любого театра просто невозможно. Рубен Агамирзян в своих заметках о репертуаре поведал о системе, с помощью которой они в своем театре избавляются от неудобной им пьесы. Мы озабочены иным: как привлечь автора в театр. Наши театральные, да не только театральные, писатели не могут пожелать на неинтересные со стороны «колосовцев». Внимание к национальной драматургии всегда было в традиции театра, на сцене которого родилось немало ярких драматургов. Эту традицию мы стремимся продолжать. Достаточно сказать, и в этом могли убедиться московские зрители во время летних гастролей, что большую часть афиши составляют пьесы, принадлежащие перу современных белорусских авторов. За этим немалый труд и большой поиск. Причем в большинстве своем это открытия нового имени, новой пьесы. Назову среди них пьесы Владимира Короткевича, а также Евгения Шабана, Елены Поповой. Мы первыми в республике поставили «Порог» и «Вечер» Алексея Дударева и с увлечением работаем над его «Рядовыми». На нашей сцене шли пьесы Анатолия Делендики, Александра Петрашневича, Ивана Шамякина, Андрея Макаенна, Николая Матуковского.

Я не понимаю, скажем, что означает требование — работать с драматургом. Не с драматургом надо работать. Он сделает свою работу сам. С пьесой надо работать. Нельзя за автора «дотягивать» проблему, конфликт, а тем более подсказывать ему, чем он должен быть обеспокоен, озадачен.

Мы ждем писателя, который может вывести на сцену полнокровного героя, а не подбие его. Мы ждем в театр писателей В. Козьмо, А. Жука, А. Кударца, А. Козельнича. Мы ожидаем пьесов Р. Бородинина, Г. Буракина и многих других.

Видно, я размечтался. Но счастлив тем, что такие писатели есть, живут, пишут. И надеюсь, что они в конце концов придут в театр. И не все у нас сразу может получиться. Ведь драматургия — это особый жанр. И писателям перейти от прозы к драматургии совсем непросто.

Но мы порой закрываем глаза на художественную недосочность пьесы, написанной драматургом. Как, например, произошло у нас совсем недавно. Драматург, достаточно маститый, предложил нам пьесу о селе. Пьеса сделана профессионально, и, казалось, было в ней нечто привлекательное. Начали работать, но вскоре поняли, что материал привлекает лишь темой, а души живой, жизни подлинной в нем нет. Мучился я, мучилась актеры, постановочная часть. А получился эдакий уродец, недолго продержавшийся на сцене.

Компромисс допустим — да и то не вполне в этом уверен — лишь в случае, когда в театр приходит молодой автор, явно талантливый, но не владеющий еще ремеслом. Дать путевку в жизнь первому, еще несовершенному творению в расчете на будущее — дело благородное. Хотя правильно было бы, как мне кажется, вести подобную работу в лаборатории театра. К сожалению, мы не имеем такой возможности. Ведь театр — это производство со своим планом, со своими финансами. А хотелось бы, что-

бы такая возможность у нас все-таки была. Хочу сослаться в данном случае на полужену, высказавшее К. У. Черненко в речи на юбилейном пленуме правления Союза писателей СССР: «Произведения, в которых оригинальная, свежая мысль подменяется, как язвительно замечал Щедрин, «хладным пережевыванием азбучных истин», лишь в насмешку можно назвать художественными. Плохо написанные книги и оперы, примитивно снятые теле- и кинофильмы, альпюлато сработанные скульптуры и картины не просто портят вкус миллионов людей. Они дискредитируют темы и идеи, за которые берутся их создатели».

Убежден, только в полнокровной, современной драматургии может воспитываться современный актер, которому не будут безразличны проблемы нашего времени, которому не грозит нравственный инфантилизм. Думается, что лишь через горнило современной пьесы может молодой актер подойти к классике и наполнить ее духом сегодняшнего дня.

СКОЛЬКО бы мы ни спорили об образе положительного героя, остается немаловажной истина: потребность в положительном герое, высоком идеале у зрителей велика. Это знает каждый, кто работает в театре.

Какой герой нужен сегодня? Мне кажется, на смену герою, а вернее, антигерою, наконец-то должен выйти герой цельный, действующий, понимающий, что жизнь-то по существу ему отпущена не такая уж длинная. Это его жизнь. А всегда ли современным драматургом может удовлетворить эту жажду? Вот перечитываю пьесы, написанные в последнее время способными авторами. И что же? Снова самоуспокоение, рефлексия, ущербность. Авторы в большинстве своем не поднимаются над фактом, над бытописательством. В этих пьесах мало жизни, радости. И они не могут родить катарсиса, ради которого и живет театр.

Сейчас мы идем к священной для каждого из нас дате — 40-й годовщине Великой Победы над фашистской Германией. И это обязывает нас с особым вниманием, с особым душевным трепетом вновь и вновь обращаться к тем героическим истокам, которые питали эту историческую Победу. Главным был наш советский человек. Его вера, его неисчерпаемые терпение и воля. Таких людей вывел в своей новой пьесе «Рядовые» А. Дударев. Знаю, высказывают удивление, как это, мол, человек, не переживший войну, тридцатилетний, смог написать такую пронзительную правду о ней. Думаю, не надо этому удивляться.

Каждая пядь нашей земли хранит память об этой самой страшной и самой праведной для нашего народа войне. Эта память передается нам от отцов и матерей наших. Она неотделима от жизни. И мы тонко хотим и, думаю, имеем право сказать свое слово об этой «лародной, священной войне». Пьеса А. Дударева трагична. Но я понимаю ее как оптимистическую трагедию о несломленности человеческого духа. Вспоминаю, как после прочтения «Рядовых» у меня было чувство какой-то высоты, взырренного ощущения. Я мечтаю, и буду самым счастливым человеком, если после спектакля зритель будет жить этими моими чувствами.

В. МАЗЫНСКИЙ,
главный режиссер
Белорусского
академического театра
имени Якуба Коласа.

ВИТЕБСК.

МАСТЕРСКАЯ ПО ДИЗАЙНУ
— МОСКВА
13.01.1985